

МЫ ЖЕ
ДОГОВОРИЛИСЬ
НЕ ГОВОРИТЬ
ПРАВДУ

Р О М А Н

Сюжетник

**Мы же договорились
не говорить правду**

«Автор»

2026

Сюжетник

Мы же договорились не говорить правду / Сюжетник — «Автор»,
2026

За шесть дней до свадьбы Арина и Павел ещё верят, что их история — роман, а не сериал с неожиданным финалом. Он — экскурсовод, который влюбляется словами. Она — редактор, которая лучше слышит правым ухом и ненавидит слово «атмосферный». Всё идёт по плану: «Оранжерея» на Фонтанке, DJ, торт, клятвы без повторов. В «Баре у Моста» подруга Лиза предлагает игру: каждый называет самый постыдный поступок в жизни. Миша признаётся в подставном отзыве, из-за которого закрылся ресторан. Павел — в фальшивых восторгах к своим экскурсиям. А Арина говорит то, от чего в зале стынет воздух: как в шестнадцать лет она напугала город «метеоритным дождём» и почему соврала про глухое ухо. Свадьба трещит по швам: родня, тёща с тортом, кот в списке гостей и один скриншот не вовремя. «Мы же договорились не говорить правду» — чёрная комедия о любви, стыде и людях, которые слишком буквально понимают слово «исповедь». Немного глупая, немного тревожная — и слишком узнаваемая, чтобы оставаться спокойной.

© Сюжетник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Право на правое ухо	5
Глава 1. Кофе, который не заказали	8
Глава 2. Предложение, которое прозвучало как экскурсия	11
Глава 3. Таблица и другие религии	14
Глава 4. Лиза и платье второго плана	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сюжетник

Мы же договорились не говорить правду

Пролог. Право на правое ухо

Петербург в апреле притворялся январём: календарь обещал сирень, тротуары отвечали слякотью. На Невском зонты бились друг о друга без извинений, и никто не считал это конфликтом — просто городской этикет сезона. В витрине «Буквы на Невском» белая «Тишина после грома» стояла лицом к улице, будто уже знала, что станет прологом к чужой свадьбе, а не просто подарком сестре.

Арина из «Северного текста» ненавидела слово «атмосферный» заранее — ещё до того, как автор успевал поставить точку. Правым ухом она слышала мир чётче: интонации, ложь в паузах, скрип стула, когда человек решает не сказать главного. Левым звуки приходили глуше, как из соседней комнаты с закрытой дверью.

Она говорила, что так с рождения. Удобная ложь. Удобство её ещё никто не оспаривал вслух — и это тоже было частью сделки с собой.

Павел водил туристов между полотнами, где руками нельзя, а голосом — пожалуйста. Двадцать минут про одну картину без повторных прилагательных были его гордостью и его ямой одновременно: в зале он блистал, в телефоне уже бродили черновики восторгов от чужих имён. «Пока черновики.

Пока не считается», — твердил он себе по дороге в гардероб, снимая бейдж так, будто снимал роль. Лиза в примерочной злилась, что платье подружки сидит идеально. Идеальность второго плана — вежливое исчезновение: тебя хвалят, чтобы не видеть.

Миша вместо текста речи смотрел ролики про лифтовые тросы и противовесы, искренне веря, что механика подскажет, как удержать чужое счастье. Клара в студии перебирала треки и останавливала музыку на полуслове — ей казалось, что пауза честнее любого дропа. Галина Петровна уже собиралась кому-то звонить, не спросив, удобно ли: материнская логика не нуждалась в разрешении.

«Оранжевая» на Фонтанке, красные строки таблицы, «Бар у Моста» и слово «правда» ещё не стояли в одном предложении их жизни. Они верили, что живут роман. Город тем временем верстал сериал: с клиффхэнгером, со смехом за кадром и с титрами, которые никто не читает до конца.

В парадной на Невском пахло мокрыми пальто и чужими духами «для уверенности». Арина поднялась на второй этаж «Буквы» и задержалась у полки нон-фикшн, хотя шла за прозой: так тело оттягивает момент, когда сюжет уже выбран. Внизу кассирша спорила с поставщиком о чеках; голоса резали воздух тоньше дождя за стеклом.

Павел снаружи ещё не знал, что через десять минут будет извиняться не за столкновение рук у полки, а за то, что говорил не в то ухо. Лиза в том же часу отправила в чат подруг стикер с котом в короне и подписью «я готова к чужому празднику». Никто не ответил сразу — и это устроило её больше лайков.

Миша сохранил закладку «противовес лифта» рядом с черновиком тоста. Галина Петровна купила уже третью пробную салфетку «на всякий случай» и положила её в сумку к витаминам и списку гостей, где имя Павла было подчёркнуто дважды — материнская орфография тревоги. Клара записала в блокнот: «пауза страшнее дропа» — и ещё не знала, что на свадьбе пауза станет отдельным персонажем.

Город переставлял лужи, как мебель в съёмной квартире: вроде тот же интерьер, но стукнуть мизинцем можно о другой угол. У витрины отразились два зонта — чёрный и прозрачный

— и на секунду показалось, что книга в окне выбирает, кого впустить первой. Дядя Юра уже тогда слал в семейный чат голосовые про корабли: длинные, трюмные, без перевода на сушу.

Их слушали на скорости полтора и ставили сердечко из вежливости к будущему шторму. Арина правила чужой роман, где героини тоже шли к свадьбе и тоже не знали, что правда любит зал сильнее молодых. Павел в пустом зале после последней группы шептал полотнам «спасибо за смену» — суеверие гида, почти молитва.

Вечером того же апреля, который ещё притворялся зимой, Арина вычеркнула у героя фразу «я никогда не вру» и написала на полях: «Все врут. Кому и зачем?» Красная ручка оставила кляксу — маленькую, почти круглую, как печать. Она не стёрла.

В соседнем доме кто-то включал и выключал свет, будто репетировал сигнал бедствия без азбуки. Павел шёл домой вдоль канала и ловил себя на том, что сочиняет отзыв собственной прогулке: «душевный маршрут», — и морщился от собственного прилагательного. Лиза повесила чехол платья так, чтобы не видеть его из кровати, и всё равно видела периферийным зрением совести.

Миша назвал очередной файл речи «финал_ВАЖНО_2_точно» и сразу открыл соседний — «не трогать». Клара вынула один наушник и слышала, как за стеной студии кто-то смеётся слишком громко для репетиции и слишком тихо для праздника. Никто из них ещё не произнёс вслух слово «исповедь».

Оно уже сидело под столами будущих ужинов, как кот, которого внесли в список гостей без спроса. Свадьба четырнадцатого июня училась тишине подготовки: стекло «Оранжереи», обещание европейского света, депозит, который звучал как залог нервов. А между Невским и Фонтанкой город продолжал делать вид, что апрель — это просто погода, а не пролог.

Арина закрыла ноутбук и приложила ладонь к правому уху — жест без смысла, привычка. За окном зонты снова столкнулись. Кто-то извинился.

Кто-то нет. В этом городе извинения и молчание весили примерно одинаково — пока кто-то не предлагал игру без скидок. У подъезда «Буквы» курьер спорил с навигатором громче, чем с совестью, и Арина на секунду позавидовала простоте его маршрута: точка А, точка Б, без зала на сто двадцать.

Она купила воду без газа и села на подоконник второго этажа, где обычно оставляют отказы и забытые шарфы. Из кармана торчал карандаш без колпачка — рабочий талисман редакции, острый с обоих концов: и для правок, и для случайных уколов самолюбия. Павел в это же утро провёл группу мимо «Ночного дозора» и поймал себя на фразе «здесь художник прячет правду в тени».

Туристы кивнули почтительно. Он почувствовал себя контрабандистом: слова были красивы, а внутри уже лежали черновики чужих восторгов, готовые выйти в свет под чужими именами. После смены он вышел через чёрный вход и долго смотрел на мокрый асфальт, будто асфальт мог выдать квитанцию на совесть.

Лиза в кафе на Рубинштейна листала плейлист «на случай чужого счастья» и ставила лайки трекам, которые обещали танцевать даже уставшим тётям. Официант спросил, одна ли она. «Пока да, — ответила Лиза.

— Но скоро буду красивой статистикой на чужой фотозоне». Официант не понял шутки и принёс лишний сахар — жест добрый и мимо. Миша распечатал кусок речи и повесил на холодильник рядом с магнитом «не сдавайся».

Кот соседки смотрел сквозь стекло двери так, будто рецензировал метафоры. Миша прочитал вслух абзац про тросы и понял, что звучит то ли утешением, то ли инструкцией к эвакуации. Переписал.

Стало хуже — значит, ближе к правде тоста. Клара в наушниках шла вдоль канала и считала отражения фонарей. Насчитала тринадцать и сбилась: чётные казались спокойнее.

В блокноте рядом с «пауза страшнее дропа» появилась стрелка к дате — 14.06 — и вопросительный знак. Вопросительные знаки у диджеев редки: обычно есть кнопка, которая всё решает. Здесь кнопки ещё не было.

Галина Петровна вечером разложила на столе три варианта салфеток и фотографировала их при разном свете лампы, подписывая файлы «почти день» и «почти вечер». «Почти» в её лексиконе означало «уже решено, но можно понервничать». Она позвонила Арине, услышала короткие гудки и оставила голосовое: «Я не мешаю, просто скажи, бордовый не выглядит траурно».

Голосовое повисло в облаке, как неприглашённый гость. Арина слушала голосовое правым ухом и улыбнулась криво — той улыбкой, которой помечают на полях «оставить, но осторожно». За окном сирень ещё не распустилась, зато обещала.

Обещания Петербурга пахнут сильнее фактов. Она закрыла штору не до конца: полоска света легла на стол рядом с красной ручкой и списком дел, где ещё не было слова «свадьба», но уже было ощущение, что оно где-то рядом — за соседней дверью сюжета, дышит и ждёт, когда его впустят без пароля. Позже, когда сирень всё-таки решится, кто-то назовёт этот апрель «временем до».

Пока же время было просто временем: мокрым, упрямым, пахнущим чужим кофе навывнос. Арина выключила свет на кухне и оставила гореть только лампу над столом — узкий круг, в котором ещё можно править чужие судьбы и не замечать, как собственная уже стоит в очереди к кассе «Буквы», держа в руках книгу с белой обложкой и слишком точным названием. Левым звуки приходили глуше — как из соседней комнаты.

Она говорила, что так с рождения. Это была удобная ложь, и удобство её ещё никто не оспаривал вслух. Пока — черновики.

Пока не считается, твердил он себе. Миша смотрел ролики про лифтовые тросы вместо текста речи. Клара в студии перебирала треки.

Они верили в роман. Город верстал сериал. Разница стала ясна позже — когда зал научился хлопать и молчать одинаково громко.

Глава 1. Кофе, который не заказали

Павел вошёл в «Букву на Невском» в тот вторник, когда зима ещё спорила с календарём. Внутри пахло обжаренным зерном и чужими амбициями — запах мест, где бариста знает имя и всё равно пишет его криво. Он искал «Тишину после грома»: сестра упомянула книгу полунамёком, а полунамёки в их семье значили больше прямых просьб.

Рука потянулась к корешку. Справа голос: — Простите. Это моя книга.

Девушка держала такой же том: твёрдый переплёт, закладка из билета на электричку, тонкие очки. Лицо человека, чьё пространство только что заняли с улыбкой и багажом извинений. — Я глуха на левое ухо, — сказала она ровно.

— Вы говорили туда. Из десяти слов дошли три. По интонации — извиняетесь за то, чего не делали.

— Романтично или тревожно? — Тревожно. Могу повторить.

С другой стороны. — Арина. Редактор в «Северном тексте».

Книга моя, потому что я её правила. — Павел. Экскурсовод.

В залах нельзя трогать экспонаты, зато словами людей — можно. Получается с переменным успехом. Они просидели два с половиной часа за крошечным столиком у окна, где кондесат рисовал чужие карты.

Он узнал про ненависть к слову «атмосферный» и про морскую академию, куда она чуть не попала из-за путаницы сайтов — «хотела править тексты, а сайт обещал править курс корабля». Она узнала про двадцать минут на одну картину без повторных эпитетов и про то, как туристы аплодируют боли в голосе, принимая её за глубину. На стакане вышло «Павыл».

Арина посмотрела на «ы» редакторской жалостью. — Назовём полевой редакцией, — предложил он. — Проверка текста на жизнь.

— Тексты врут красивее, — сказала Арина. — Люди хотя бы краснеют. Он сел справа, у правого уха, и понял это только потом — когда уже привык.

Она заметила сразу и промолчала: лучшая правка иногда молчит на полях. За окном зонты продолжали войну без объявления. Внутри кто-то спорил, стоит ли подарочный сертификат «на впечатления», если впечатления потом не вернуть.

Через три дня пришло фото пустого зала: «Трогать нельзя. Слушать — можно». Ответ: «Слово „душевно“ запрещено.

Уволю переписку». Через неделю они стояли в трамвае и спорили взглядами о том, кто уступит место — тест совместимости без протокола. Чужой гид на остановке крикнул про «жемчужину Северной столицы», и Арина тихо добавила в стоп-лист ещё одно блестящее слово.

Через три недели поцелуй у Эрмитажа вышел почти сердитым, как срочная правка. Павел подумал: без драмы. Город кивнул — и выписал счёт позже.

Дома она вычеркнула у героя «я никогда не вру» и написала: «Все врут. Кому и зачем?». Он репетировал рассказ Мише; в третьей версии осталось честное: «Услышала не с той стороны — и осталась». На форзаце карандашом легла дата.

Имя пока казалось слишком громким для шёпота. Сестра Павла потом скажет, что книга ей всё равно не понравилась, зато история знакомства — очень, «как сериал без нормального финала». Он ответит: «Финал ещё пишут».

Арина после встречи правила чужой диалог и поставила герою ремарку «говорит тише, чем думает». Рука сама написала то, что она только что прожила у полки. В гардеробе музея Павел повесил бейдж криво и не поправил: впервые за месяц ему было всё равно, как его читают сверху вниз.

Они переписывались языком запретов: нельзя «душевно», нельзя «судьба», нельзя «навсегда» без скобок. В скобках любовь чувствовала себя честнее. На четвёртый день он принёс ей кофе без имени на стакане — попросил бариста не писать ничего.

Пустой белый круг оказался нежнее любого кривого «Павыл». — Это почти идеально, — сказала она. — Почти — мой рабочий жанр, — ответил он.

Оба не знали, что «почти» станет рефреном до июня и после. Вечером у Эрмитажа фонари зажглись раньше, чем нужно, и свет лёг на её очки полоской — маленькая подсветка для человека, который лучше слышит справа. Однажды они зашли в пустой зал после закрытия — Павел «за ключами», на самом деле за тишиной.

Светотень на паркете звучала признанием громче слов. Он кивнул картине, она кивнула ему — как красной ручкой: принято. Улыбку потом списали на сон, чтобы не сдавать сюжет коллегам в редакции и в музейной курилке.

Тексты без точек летали туда-сюда и возвращались с пунктуацией близости. Под аркой, где капало с карниза, он почти сказал «судьба» — и умерло слово от правила скобок на мокрых губах. Билетик третьей встречи снова лёг в карман: уликe полезнее сон.

В редакции коллега спросила, отчего Арина улыбается в сносках. «Правлю хорошую книгу», — соврала она легко, почти профессионально. Павел в тот же день поймал себя на том, что рассказывает группе историю знакомства метафорами света — и одёрнул: не брак, не судьба, просто блик на раме.

Ночью он написал черновик восторга своему завтрашнему туру и не отправил. Стер. Открыл снова.

Стер ещё раз. Совесть работала медленнее интернета, но всё же работала. Арина лежала и слушала правым ухом, как за стеной соседи спорят о том, кто забыл выключить чайник — бытовой детектив без трупa.

Утром бариста снова выкрикнул чужое имя. Павел обернулся по привычке. Арина нет.

«Не каждый окрик — сюжет», — сказала она позже. Он запомнил фразу как правило экскурсии по собственной жизни. Они ещё не знали про таблицу, про «Оранжерею», про игру в «Баре у Моста».

Знали другое: кофе, который не заказали, иногда важнее того, что стоит в меню. И что сесть справа — уже обещание, даже если его не произносят. На второй неделе он привёл её в зал после последней группы — «просто показать свет».

Свет оказался предлогом, а предлог — честнее билета. Арина стояла у рамы и слушала, как голос Павла меняется, когда рядом нет двадцати чужих кивков: тише, рискованнее, без защитного блеска эпитетов. Она сказала: — Вот так можно.

Без экскурсии для зала. — А для кого тогда? — спросил он.

— Для правого уха. Оно вредное: слышит лишнее. Он засмеялся и впервые за месяц не стал переводить шутку в метафору холста.

В гардеробе вахтёрша поздоровалась с ним по имени и пытливо посмотрела на Арину — музейный радар, ловящий сюжет раньше администрации. Павел представил: «Коллега по смыслу». Арина кивнула, будто должность существует в штатном расписании города.

Потом был вечер, когда бариста снова крикнул «Павыл», и они оба подошли — уже не по ошибке, а по ритуалу. Стакан передали из рук в руки, как эстафету маленькой неидеальности. Арина стёрла пальцем конденсат и оставила на пластиковой крышке короткую чёрточку — почти тире, почти правку.

— Редактирую реальность, — сказала она. — Осторожно. Реальность сдаёт тексты позже срока, — ответил Павел.

Они вышли под дождь без зонтов и дошли до арки, где капало особенно злорадно. Там он почти произнёс слово, которое они запретили, и вместо него сказал: — Я рад, что выбрал сторону. — Ты выбрал ухо, — поправила она.

— Стороны ещё будут. В редакции на следующий день она правила сцену признания и вычеркнула у героя слишком удобную фразу примирения. «Слишком гладко для людей», — написала на полях.

Коллега заглянул через плечо и свистнул: «Личная жизнь вмешивается в чужой роман». Арина не стала отрицать. Отрицание тоже бывает формой спойлера.

Павел тем временем удалил один черновик восторга — самый стыдный, с тремя восклицательными знаками. Два других оставил «на всякий случай», как люди оставляют старые зарядки. Совесть заметила и молча выставила счёт на будущее.

Он пообещал себе разобраться до лета. Лето в Петербурге начинается формально в июне, а по факту — когда кто-то произносит «да» слишком серьёзно для экскурсии. Вечером они сидели на подоконнике её кухни и ели сыр прямо из бумаги — этикетка обещала «европейский вкус», и Арина хмыкнула: «Европейский свет, европейский сыр, скоро европейский стыд».

Павел не понял шутки до конца и всё равно кивнул. Иногда кивок — лучший перевод. — Если это станет серьёзным, — сказала она вдруг, — не надо мне камней.

Камни врут блеском. — Запомнил, — сказал он. — Буду предлагать как экспонат: просто, без витрины.

Оба замолчали, испугавшись точности шутки. За стеной кто-то учил ребёнка читать по слогам, и слоги падали в их тишину, как мелкие камни в воду: медленно, с кругами. Арина слушала правым ухом и думала, что любовь начинается не с клятв, а с того, что кто-то однажды сел с правильной стороны и не стал требовать за это аплодисментов.

Он искал «Тишину после грома» — сестринский полунамёк из переписки. Рука потянулась к корешку. Справа голос: — Простите.

Это моя книга. — Вы говорили туда. Из десяти слов дошли три.

Романтично или тревожно? — Тревожно. Могу повторить.

С другой стороны. — Арина. Редактор в «Северном тексте».

Книга моя, потому что я её правила. — Павел. Экскурсовод.

Получается с переменным успехом. Они просидели два с половиной часа. На стакане вышло «Павыл».

— Проверка текста на жизнь. — Люди хотя бы краснеют. Она заметила и промолчала — лучшая правка иногда молчит на полях.

Через три дня пришло фото зала: «Трогать нельзя. Слушать — можно». Ответ: «Слово „душевно“ запрещено».

Уволю переписку». Павел подумал: без драмы. Город кивнул — и выписал счёт позже.

На форзаце карандашом легла дата. Он ответит: «Финал ещё пишут».

Глава 2. Предложение, которое прозвучало как экскурсия

Зал был привычный — тот, где Павел поднимал голос на двадцать человек. Сейчас голос дрожал на двоих. Арина смотрела в левый угол холста, куда он всегда тыкал туристам указкой внимания, и ждала подвоха.

Подвох пришёл в бархатной коробочке, и бархат почему-то разозлил её сильнее содержания: слишком театрально для человека, который клянётся простотой. — Обратите внимание на левый угол, — сказал он по привычке гида. — Художник спрятал фигурку.

— У нас экскурсия для двоих, — напомнила Арина, уже улыбаясь против воли. — Нельзя. — Коробочка щёлкнула.

— Обратите внимание на кольцо. Арина, выйдешь за меня? Кольцо было простым, без камня: она считала бриллианты маркетингом и однажды чуть не напечатала об этом колонку, которую вырезали ещё на планёрке.

Он знал — поэтому камень не принёс. Вопрос звучал как подпись к экспонату: коротко, почти официально, до дрожи. — Да, — сказала она через четыре минуты тридцать секунд, делая вид, что думает.

Думала о маме, о Лизе, о таблице, которая любит становиться главнее золота. Но «да» уже ушло в воздух и там поселилось без регистрации. Сторож заглянул в зал, увидел двоих у картины и деликатно исчез — музейный такт иногда милосерднее родни.

Свадьбу поставили на четырнадцатое июня в «Оранжевое» на Фонтанке — стекло, вода в отражениях, обещание «европейского света», которое она вычеркнула бы в любой рукописи красным до дырки. План переехал в таблицу в ту же ночь. Лиза правила строки жестоко, как человек, который любит и потому не даёт расползтись формулам.

Миша заменил «торт» на «оркестр» и сделал вид, что это улучшение. Диджеем взяли Клару — «надёжную», по версии Миши. Слово потом преследовало его, как сирена скорой.

Клара кивнула в наушниках так, будто уже слышала финал, и всё равно согласилась вести первый танец. Мише он сказал по телефону между станциями: — Она согласилась. — На экскурсиях все вежливы, — ответил Миша.

— Поздравляю. Речь уже пишу — не мешай. Полвагона стали невольными свидетелями: кто-то улыбнулся, кто-то отвернулся в окно, будто счастье заразно и без маски опасно.

Лизе Арина отправила одно «да». Голосовое подруги длилось три минуты: платье, слёзы, «он слишком музейный», «я всё равно рядом», «только без игр». Арина поставила реакцию.

Реакция — ещё не договор. Ночью кольцо лежало на тумбочке рядом с красной ручкой. Два инструмента разной власти: один оставляет круг на пальце, другой — след на полях.

Он шепнул в темноту «спасибо», неизвестно кому — залу, городу, случаю. Она шепнула «не испорти» — тоже неизвестно кому. Петербург за окном сделал вид, что не подслушивает.

Кольцо он носил в кармане три недели до этого вечера, боясь, что металл нагреется от пояснений и перестанет быть простым. Простота требует дисциплины сильнее блеска. После «да» Арина открыла записку «не забыть» и вписала: «сказать маме спокойным голосом».

На репетиции перед зеркалом голос сорвался на втором слове — спокойствие оказалось навыком, а не кнопкой. Лиза устроила мини-праздник в чате: гифки, короны, угроза выбрать платье раньше невесты. Под угрозой скрывалась нежность с острыми краями.

Миша открыл новый файл речи сразу после звонка и назвал его «начало_конца_счастливого». Орфография оптимизма у него всегда хромала красиво. Клара получила дату в календарь и поставила напоминание «не пить перед работой» — шутка для другой площадки, не их, и всё же она кивнула серьёзно, когда Миша переслал адрес «Оранжевое».

В зале менеджер водил их по стеклу голосом каталога. Арина слушала про «световой сценарий» и думала, что сценарии любят предавать авторов на кульминации. Павел кивал и держал её ладонь чуть крепче, чем требует этикет экскурсии.

— Вам нравится европейский свет? — спросила менеджер. — Нам нравится, когда свет не врёт, — сказала Арина.

Менеджер записала «креативная пара» и улыбнулась так, будто креатив уже включён в депозит. Павел в ту ночь не спал и раскладывал подушки «симметрично», будто от географии кровати зависит прочность «да». География молчала.

Воздух после согласия затвердел: вёрстка жизни впервые за долгое время не принимала лёгких правок. Галина Петровна узнала утром и заплакала в трубку заранее — «от счастья, не пугай». Потом спросила про салфетки и про то, можно ли пригласить соседку «просто посмотреть».

Арина сказала «потом». «Потом» в материнском переводе значит «я всё равно напишу список». Дядя Юра прислал голосовое про то, что брак — это как выход из порта: важно не потерять курс.

Арина поставила «прослушано», слушая только край фразы — вежливая экономия нервов. В музее на следующий день Павел ловил себя на рассказе про брак Рембрандта и одёргивал: не брак — свет. Свет не просит депозита и не требует стола для кузин.

Вечером любовь снова становилась строками таблицы. Строки не отменяли любовь — делали её шумной, как фойе перед сеансом, где все уже купили билеты и ещё не знают, хороший ли фильм. Он написал ей среди ночи: «Спасибо, что сказала да не как туристка».

Она ответила: «Я сказала как редактор: приняла в работу». Оба понимали, что шутка держит мост. Оба ещё не знали, какой силы потребуется, чтобы мост не стал декорацией к обрыву.

Через неделю они вернулись в тот же зал «просто так». Фигурка в углу холста никуда не делась. Коробочка дома пылилась пустая.

На пальце кольцо сидело привычно, будто всегда там было. Арина посмотрела на левый угол и сказала: — Художник спрятал фигурку. Ты спрятал вопрос в экскурсию.

Я спрячу страх в таблицу. Честнее некуда. — Честнее — будет, — тихо сказал Павел.

— Позже. Слово «позже» легло рядом с «да» и притворилось безобидным. В Петербурге такие слова живут долго и любят возвращаться в самый неподходящий свет — европейский или какой получится.

Сейчас голос дрожал на двоих. Подвох пришёл в бархатной коробочке. — Художник спрятал фигурку.

— У нас экскурсия для двоих. — Нельзя. — Коробочка щёлкнула.

— Обратите внимание на кольцо. Арина, выйдешь за меня? Он знал — поэтому камень не принёс.

План переехал в таблицу. Лиза правила строки жестоко. Мише он сказал: «Она согласилась».

Миша ответил: «На экскурсиях все вежливы. Поздравляю. Речь уже пишу — не мешай».

Лизе Арина отправила одно «да». Арина поставила реакцию. Реакция — ещё не договор.

Два инструмента разной власти. В «Оранжеее» менеджер водил их по залу голосом каталога. В мастерской на Садовой ювелир взвесил простоту взглядом профессионала и сказал: «Такие кольца либо любят всю жизнь, либо меняют через год на камень».

Павел ответил: «Будем любить». Фраза вышла учебной, как подпись под экспонатом. Ювелир кивнул — он слышал учебные фразы чаще клятв.

После визита в «Оранжею» они сидели на гранитном парапете и смотрели, как вода тащит обрывок афиши. Арина сказала: — Если таблица сойдёт с ума, напомни мне про этот парапет. Здесь ещё не было депозита.

— Напомню, — сказал Павел. — Даже если придётся устроить экскурсию для одного человека. Лиза вечером пришла с бутылкой и списком вопросов «не для таблицы»: кто ведёт, кто ловит тётю с тостом, кто прячет дядю Юру за салатом.

Они смеялись до слёз, и смех был настоящим — тем редким видом, который потом ставят на полку как доказательство, что когда-то было легко. Миша позвонил с порога своей квартиры и прокричал в трубку: «Я придумал финал!» — потом помолчал и добавил: «Нет, подождите, это снова про лифт». Клара прислала ссылку на папку «черновики без пафоса» и голосовое на сорок секунд: шум метро, обрывок баса, обещание не ставить гимны без спроса.

Арина прослушала правым ухом и ответила стикером с наушниками. Стикер казался безопаснее слов «доверяю». Галина Петровна потребовала встречу «на пять минут».

Пять минут растянулись в час борща и вопросов про регистрацию, фату и то, будет ли «нормальный торт, а не эта ваша геометрия». Арина сказала: «Будет торт. Нормальный».

Слово «нормальный» в семье означало «как у людей», и оба понимали, что «как у людей» — отдельный жанр, часто страшнее эксперимента. Павел на работе впервые запнулся на середине рассказа о свете. Группа вежливо подождала.

Он улыбнулся: — Простите. Личная правка текста. Туристка шепнула мужу: «Какой живой гид».

Живость досталась ему бесплатно и дорого одновременно. После смены он написал Арине: «Сказал „да“ залу случайно. Хочу сказать тебе ещё раз».

Она ответила через двадцать минут — после дедлайна: «Ещё раз можно. Без коробочки. Я уже в работе».

Ночью таблица открылась сама на вкладке «гости». Там уже мерцал не тот Иван — однофамилец, приглашённый по инерции памяти мамы. Арина не вычеркнула сразу.

Посмотрела на строку, как на спойлер. Потом всё-таки поставила пометку «уточнить». Уточнения в их жизни только начинались, а щёлчок кольца без камня уже изменил акустику квартиры тише любого страха и громче любого плана.

Глава 3. Таблица и другие религии

За четыре месяца до даты у Арины было три культа: редакторская, кухня и вкладка «Бюджет». Таблицу она открывала чаще ленты. Один раз произнесла поиск в сети вслух — как бренд порядка — и больше не повторяла: таблица и так слушалась без заклинаний.

«Фотограф» жёлтый. «Цветы» красные. «Клара» зелёная по настоянию Миши.

— Бабушки танцуют под её руки, — уверял он. — Бабушкам моей мамы хватает чая с коньяком, — отвечала Арина. Павел смотрел на сетку строк как на карту чужого города: красиво, заблудиться легко.

Он просил упростить. Она добавила столбец «Риски». Риски размножились быстрее гостей, которым ушло приглашение не тому Ивану.

— Главное — мы, — сказал он под больничным светом экрана. — Главное — «Непредвиденное», — ответила она. — Там ноль.

Ноль подозрителен. Скоро в ноль впишутся терапия, сломанный нос, возврат депозита и платье на спинке стула. Таблица чуяла пустотой.

Пустота в бюджете орёт громче цифр. Лиза правила «Гостей» и вздыхала над кузинами стола №7 — конфликтная зона. Миша внёс кота Ивана как «плюс один».

Арина не вычеркнула: кот хотя бы не тостует. Галина Петровна звонила про салфетки так, будто от них зависит династия. Свет не просит депозита.

Строка «непредвиденное» смотрела нулём, как глаз, ещё не решивший, добрый он или бухгалтерский. Она кликнула — пустота ответила честно. Павел предложил выписать риски от руки.

Ручка кончилась на слове «мама». Они рассмеялись слишком громко для кухни. Лиза цветом выделила кузин и написала: «развести по углам, как провода».

Электрика праздников была ей знакома по чужим дням рождения. Миша завёл вкладку «музыка настроения» и сразу проиграл Кларе спор о порядке треков. Поражение оформил как «креативный компромисс».

Галина Петровна требовала фото салфеток при дневном свете. Арина снимала при лампе и врала про солнце — маленькая репетиция больших вранья про свет. В музее ребёнок спросил, правда ли картины слышат.

Павел сказал: «Слышат тех, кто врёт красиво». Группа решила, что глубоко. Он — что это донос на себя.

Ночью таблица обновилась сама и подсветила «цветы» ещё краснее. За четыре месяца до даты кухня Арины превратилась в штаб. Ноутбук светил больничным светом, кружка оставляла кольца на распечатках, красная ручка заканчивалась быстрее молока.

Таблицу она открывала чаще ленты. «Фотограф» горел жёлтым. «Цветы» — красным.

«Клара» — зелёным по настоянию Миши. — Но ладно. Зелёный так зелёный.

Он просил упростить. Она добавила столбец «Риски». Риски размножились быстрее гостей.

Среди гостей уже затесался не тот Иван — мама «думала, тот самый», а оказался однофамилец с хорошей улыбкой и плохой памятью рода. — Главное — мы, — сказал Павел под гул холодильника. — Там ноль.

Ноль подозрителен. Таблица чуяла пустотой. Пустота в бюджете орёт громче цифр.

Миша внёс кота Ивана как «плюс один». Правда в том романе ещё молчала. В их кухне она уже дышала под полом.

В музее Павел ловил себя на рассказе про брак и одёргивал: не брак — свет. Свет не просит депозита. Однажды ручка кончилась на слове «мама», когда он попросил выписать риски от руки.

Сосед ударил по батарее — городская рецензия. Группа решила, что глубоко. Он — что это донос на себя.

Ночью таблица подсветила «цветы» ещё краснее. Арина шёпотом попросила экран успокоиться. Экран не умел.

Кот не того Ивана — живой, соседский — мякнул за стеной, будто подтверждал право кота Ивана из списка. Арина поставила в «Непредвиденное» один рубль «на удачу». Ноль дрогнул.

Ей показалось, что это кашель персонажа, которого ещё не ввели в сюжет. Когда строка «ведущий» вспыхнула красным, Миша предложил себя. Лиза сказала «нет» быстрее Арины.

Павел предложил обойтись без ведущего — «зал сам себя объявит». Арина вписала в риски: «зал объявит не то». Они поехали выбирать цветы; пионы чихнули на Арину без диагноза аллергии.

Флорист сказал: «Тело протестует против символов». Павел купил всё равно — символ уже был оплачен нервами. Вечером дядя Юра прислал дресс-код «морской, но элегантный».

Лиза ответила стикером с спасательным кругом. Галина Петровна потребовала «живые цветы на каждый стол». Таблица вспыхнула.

Арина поставила лимит и легла спать в одежде — короткая капитуляция быта. Ноль в «Непредвиденном» смотрел на неё из темноты экрана, как глаз, который ещё не выбрал, добрый он или бухгалтерский. Когда «ведущий» вспыхнул красным, Миша предложил себя.

Лиза сказала «нет» раньше невесты. Павел предложил обойтись без ведущего: «зал сам себя объявит». У флориста пионы вызвали чих без диагноза.

«Тело протестует против символов», — сказал мастер и всё равно упаковал букет в бумагу цвета спокойствия. Лиза ответила стикером спасательного круга. Галина Петровна потребовала живые цветы на каждый стол — таблица вспыхнула, как сигнализация.

Павел тайком вписал в «Непредвиденное» сумму «на цветы страха». Арина заметила и не стёрла: первый совместный рубль честной тревоги. Организатор спросила про аллергии.

Арина написала «орехи и слово атмосферный», потом оставила только орехи — профессиональная цензура пафоса. Ночью сервис таблицы завис. Арина испугалась зависания сильнее красных ячеек: пауза железа казалась оракулом.

Лиза развела кузин по углам схемы и подписала зоны «тихо» и «громко». Миша добавил стрелку «эвакуация тоста». Кот Иван прошёл в список с пометкой «корм / лоток / не тостует».

Менеджер площадки позже спросит про лоток всерьёз — и это будет ещё не худший вопрос июня. В музее Павел отказался от финального анекдота про брак. Группа ушла без бонуса.

Он вышел легче на один анекдот и тяжелее на одну правду. Галина Петровна прислала двадцать бантов. Арина ответила «тише».

Банты не умели читать намёки и продолжали размножаться в облаке. Арина заснула в свитере поверх дневной одежды — короткая капитуляция быта. Ноль в «Непредвиденном» светился в темноте, как глаз бухгалтера.

Павел принёс бумажные карточки гостей. Бумага проиграла цифре с достоинством шороха. Он всё равно оставил одну карточку на холодильнике — талисман аналога.

Лиза сказала: «Таблица — ваша религия, я только ризничая». Арина не стала спорить: в ризничей иногда больше власти, чем у жреца. Перед закрытием вкладки Арина шепнула экрану «не командуй».

Ноутбук нагрелся — единственный доступный ответ железа на человеческую молитву. Утром строка «трансфер» позеленела после третьего звонка. Арина поставила в календаре крошечную звезду — редкая награда редактора самой себе за переговоры с реальностью.

Строка «фотограф» желтела три дня. Арина говорила с кандидатами голосом человека, который выбирает не стиль, а способность не бесить тещу вспышкой. Павел предложил вычеркнуть половину гостей «для воздуха».

Воздух вышел из комнаты сам под её взглядом. Список остался толстым, как роман без редактуры. Лиза подписала зоны рассадки «тихо» и «громко».

Миша добавил «эвакуация тоста» стрелкой к выходу. Схема стала честнее иных клятв. Кот Иван получил галочку «корм».

Соседский кот за стеной мяукнул, будто голосует за представительство вида на банкете. Галина Петровна присылала банты пачками. Арина отвечала «тише».

Банты продолжали размножаться — эволюция декора сильнее намёков. В «Непредвиденное» появился один рубль «на удачу». Ноль дрогнул.

Арине показалось, что пустота кашлянула и стала персонажем. Организатор спросила аллергии. Арина почти написала «пафос», но оставила «орехи» — профессиональная гигиена текста.

Дядя Юра хотел морской уклон тоста. Лиза ответила: «уклон — в сторону краткости». Краткость не подтвердила получение.

Ночью облако таблицы зависло. Арина испугалась паузы сильнее красных ячеек. Железо иногда оракулит лучше родственников.

Павел принёс бумажные карточки гостей. Бумага проиграла экрану красивым шорохом. Одну карточку он оставил на холодильнике — талисман аналогового века.

В музее ребёнок спросил, слышат ли картины. Павел сказал про красивую ложь. Группа ахнула.

Он услышал донос на себя. Лиза назвала себя ризничей их табличной религии. Арина не спорила: у ризничих ключи от шкафа, где хранят лишние свечи и лишние обиды.

Цветы горели красным. Флорист сказал про протест тела на символы. Пионы всё равно упаковали — символы уже были оплачены нервами.

Миша проиграл Кларе спор о треках и назвал это креативным компромиссом. Вкус поморщился без протокола. Арина заснула в свитере поверх одежды.

Утром «трансфер» позеленел. Павел вечером просил упростить. Она добавила столбец рисков.

Риски почковались. Любовь шумела сеткой ячеек, как фойе перед сеансом. Не тот Иван остался в списке с пометкой «уточнить».

Уточнения любили откладываться до недели, когда уже поздно уточнять.

Глава 4. Лиза и платье второго плана

Примерка платья подружки шла у Лизы с профессиональной горечью. В зеркале — женщина, сидящая идеально. Идеальность бесила: тебя хвалят, чтобы не видеть.

— Будешь красивее части гостей, — сказала Арина, разминая пальцы после правок. — Это статистика, не комплимент, — ответила Лиза. Продавщица исчезла за шторой.

В тишине поселились несказанные вещи. Лиза любила Арину по-настоящему — готова слушать про салфетки два часа и не убивать. Но глядя на Павла думала: много музея, мало хаоса.

Потом стыдилась. Хаос не спрашивает слот в календаре. Чай «просто так» стал разговором о страхах.

Арина боялась торта от мамы раньше срока. Лиза — игр на танцах. — Игр не будет, — засмеялась Арина.

— Отлично, — сказала Лиза и через месяц предложит игру, от которой захочется выключить город. Мише она написала: «Счастлива. Почти не завидую.

Почти — честно». Он прислал мем про лифт: «Почти — тоже этаж». Она сохранила шутку как страховку.

Чехол цвета «нейтральный мир» повис у Лизы дома. На нём маркером: «Не гладить чужие судьбы». Шутка почти молитва.

Каждый проход мимо — кивок невыбранному знакомому. У двери Арина обняла её: — Ты главный человек дня после меня. — До тебя, — поправила Лиза.

— После — чужая статистика. Смех ещё был лёгким. Лёгкий смех потом становится уликой.

На Рубинштейна афиша «Бар у Моста» обещала вечер «честных разговоров». Лиза сняла фото и не отправила. Идея легла между котами и закатами — туда, где мысли ждут своего градуса.

Швея сказала Лизе: «Вам бы своё платье, не чужое». Лиза: «Чужое честнее: на нём не написано „счастье“, только размер». Арина принесла воду и извинялась глазами за устройство мира ролями.

Лиза отпила: «Роли ладно. Главное — не давать залу режиссировать». Лампа в примерочной старила.

Под ней обе выглядели честнее фильтров. Честность кожи иногда полезнее честности биографии. Платье упаковали с мятой бумагой чужого праздника.

Лиза выдохнула в чехол: «Не подведи». Ткань скромнее людей — ничего не обещала. Вечером у «Бара у Моста» из двери вырвался чужой тост про честность.

Лиза ускорила шаг, будто уже чуяла жанр будущей ошибки. Миша прислал фото кнопки «стоп» в лифте: «наша дружба». Лиза: «Лишь бы не застрять между этажами чужой свадьбы».

В зеркале — женщина, сидящая идеально. Продавщица исчезла за шторой. В тишине поселились несказанные вещи.

Потом стыдилась. Хаос не спрашивает слот в календаре. Лиза — игр на танцах.

— Игр не будет, — засмеялась Арина. Мише она написала: «Счастлива. Почти не завидую.

Почти — честно». Она сохранила шутку как страховку. Шутка почти молитва.

— До тебя, — поправила Лиза. — После — чужая статистика. Смех ещё был лёгким.

Лёгкий смех потом становится уликой. Лиза сняла фото и не отправила. Швея сказала: «Вам бы своё платье, не чужое».

Лиза отпила: «Роли ладно. Лампа в примерочной старила. Под ней обе выглядели честнее фильтров.

Лиза выдохнула в чехол: «Не подведи». Смех вышел нервный и живой. Дома она повесила чехол так, чтобы не видеть его из кровати.

Всё равно видела — периферийным зрением совести. В чате подруг кто-то спросил, не хочет ли Лиза «своего дня». Она ответила стикером с пожарным выходом и подписью «сначала чужой, потом посмотрим».

Подпись была шуткой. Шутка была картой. Перед сном Лиза открыла фото афиши ещё раз и почти отправила Арине.

Палец завис. Убрала в альбом «потом». «Потом» у Лизы всегда пахло игристым и плохими идеями, которые сначала кажутся разминкой.

После примерки Лиза зашла к Мише «на пять слов» и пробыла час. Они ели пельмени из кастрюли и обсуждали, как не испортить чужой праздник собственной честностью. Миша сказал: «Честность — это лифт без дверей».

Лиза: «Тогда я лучше лестница». Оба засмеялись и оба подумали о баре на Рубинштейна, ещё не называя его вслух. Арина прислала фото кольца без фильтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.